

Дело и впрямь не терпело отлагательств.

Однако вечно хворый господин Сюй утомлял куда сильнее, чем неженка Шэн Лююй: этот учитель обожал требовать невозможного. Поразмыслив, Сэ Чанмин решил пока отложить этот вопрос до следующего занятия, а сейчас заняться другими уроками.

Но тут же возникли новые трудности.

В академии Лулинь обязательных предметов было раз-два и обчелся — большинство курсов ученики выбирали сами. Расписания Сэ Чанмина и Шэн Лююя почти не совпадали, так что даже при всем желании заниматься было не по чему: у Чанмина просто не водилось нужных книг.

Ладно еще учебные свитки, которые можно скопировать в Павильоне Хранения Книг — с этим проблем не возникло. Но часть лекций преподаватели читали по собственным старым записям, а по некоторым предметам книг не существовало вовсе — адептам приходилось ловить каждое слово наставника и самим записывать главное. Студенты такие уроки люто ненавидели, и занятия господина Сюя были худшим тому примером.

Расспросив соучеников, Сэ Чанмин выяснил, что если объединить записи Цун Юаня и Чэнь Ибая, можно восстановить полное расписание Шэн Лююя.

С Цун Юанем все прошло гладко: стоило Чанмину попросить книги, как тот без лишних слов преподнес их на вытянутых руках, не смея перечить.

С Чэнь Ибаем дела обстояли иначе. Этот так и сыпал вопросами, отличаясь неумным любопытством, так что без убедительной лжи отделаться от него было невозможно. Чанмин просто отмахнулся, сказав, что не хочет тратить время впустую и решил расширить кругозор.

Чэнь Ибай горячо одобрил это рвение, и вскоре они уже сидели в каменной беседке, обложившись свитками.

Как только Шэн Лююй вернулся в свой Двор Разреженного Ветра, Сэ Чанмин объявил сожителям, что раненая пичуга поправилась и улетела, так что защитный барьер можно возвращать на место.

Накануне Жуань Люся даже предлагала купить для птицы дорогой уголь «Серебряная нить» и раздобыть изящную жаровню, уверяя, что в комнате станет тепло и малютка ни за что не замерзнет. Чанмин отказался, заявив, что птица слишком привередлива и не выносит запаха гари.

Жуань Люся от досады едва зубами не заскрежетала:

— Да где это видано, чтобы обычная пичуга была такой неженкой? — возмутилась она. — Мой наставник рассказывал, что на Малой Тяжелой Горе, где живут птицы Чанмин, круглый год царит весна. Они действительно не выносят холода, но и дым от жаровни презирают — мол, ноздри им забивает. Когда-то давно одна такая птица должна была посетить школу Таинственного Льда, так у нас защитный массив на целую неделю отключили! Не хочешь же ты сказать, что твой найдёныш знатен, как сама божественная птица Чанмин? Не верю!

Сэ Чанмин промолчал о том, что в его комнате действительно гостила птица Чанмин.

Но мысленно согласился: избалованному созданию и впрямь пришлось несладко. Кровать жесткая, одеяло грубое, да еще и уголь этот... Кто знает, вдруг дым действительно колол ему глаза и нос?

Метель на улице разыгралась нешуточная, будто природа вымещала злость за временную передышку, и стужа сделалась еще суровее. Однако Чэнь Ибай, упрямо бубня под нос о закалке духа, наотрез отказался возвращаться в тепло и продолжил зубрить прямо на морозе.

Сэ Чанмин, которому стужа была нипочем, лишь пожал плечами и уткнулся в его свитки. Занятия в академии возобновились далеко не все, так что свободного времени у них оставалось предостаточно.

Чанмин бегло просматривал учебные трактаты и чужие пометки, изредка расспрашивая Чэнь Ибая о привычках и происхождении того или иного наставника, после чего садился за составление учебных планов.

Он писал быстро и много, так что тяжелый браслет на запястье начал мешать. Сэ Чанмин снял четки из Неподвижного дерева и небрежно опустил их на каменный стол.

Чэнь Ибай мазнул по столу взглядом и заинтересовался:

— А это что еще такое?

Не успел Чанмин и слова сказать, как парень уже протянул руку и схватил четки. На матовых деревянных звеньях виднелась вязь затейливых, едва различимых знаков. Ничего в них не разобрав, Чэнь Ибай спросил:

— Что за письма?

— Заклинание Очищения Сердца, — отозвался Сэ Чанмин. — Помогает сосредоточиться.

Чэнь Ибай нахмурился, взвешивая браслет на ладони, и удивленно округлил глаза:

— Но почему он такой тяжелый? Я его едва держу!

Для заклинателя, чье тело укреплено духовными силами, даже пудовая гиря покажется легкой игрушкой. Но Неподвижное дерево мгновенно подавляло любые потоки ци, а учитывая его природную плотность, браслет ощущался неподъемной оковой.

Чанмин, не моргнув глазом, соврал:

— Это редкая порода тяжелого дерева. Только когда разум кристально чист, постигаешь истинную тяжесть земных вещей.

— Да ну? — с сомнением пробормотал Чэнь Ибай.

— Именно так. Без должного смирения за книги лучше и вовсе не браться, — наставительно произнес Сэ Чанмин и мягким, но властным движением забрал четки из рук приятеля.

В таком ключе пролетело еще несколько дней. Чанмин с Ибаем самозабвенно зубрили правила, а Жуань Люся с утра до ночи пропадала на тренировочном поле. Возвращаясь на закате, она кривилась при виде Чанмина, демонстративно фыркала и уходила к себе.

Чэнь Ибай, который честно пытался блюсти внутренний покой и пару дней почти не болтал во время учебы, все же не выдержал:

— Чанмин, ты как ей дорогу перебежал? Раньше она за собой такого не позволяла.

Объяснять истинные причины было слишком долго, поэтому Сэ Чанмин равнодушно отозвался:

— Никак. Мы почти не общаемся.

— Чудеса, да и только, — хмыкнул Чэнь Ибай.

Чтобы сменить тему, Сэ Чанмин спросил:

— А с чего она вдруг так усердно взялась за тренировки?

— Разумеется, ради Собрания Сломленной Ветви! — резко раздалось из-за их спин.

Пойманные на обсуждении чужих дел юноши даже бровью не повели. Сэ Чанмин с тем же невозмутимым видом спросил:

— И что это за Собрание?

— Брат Сэ, ты правда не слышал о Собрании Сломленной Ветви? — Чэнь Ибай тут же охотно перехватил инициативу. — Позволь, я просвещу тебя!

Собрание Сломленной Ветви — это ежегодное первенство академии Лулинь, которое устраивают за две недели до Праздника середины осени. Записаться может любой желающий. Всех участников делят по годам обучения: новички и те, кто учится меньше двух лет, соревнуются в «Весеннем сезоне»; ученики со стажем от двух до пяти лет — в «Летнем»; а те, кто грызет гранит науки дольше пяти лет — в «Осеннем». В каждом зачете определяется свой победитель. В день самого праздника триумфаторам торжественно вручают ветви, срезанные с самой верхушки древнего тысячелетнего османтуса, что растет в Саду Среди Цветов.

Изначально состязания задумывались как мирное соперничество ради укрепления дружеских уз и веселого времяпрепровождения. Правила требовали проявлять сдержанность и останавливать удар в шаге от цели, да и награда победителю полагалась чисто символическая — благоухающая ветвь. Однако там, где есть победители и проигравшие, всегда разгораются нешуточные страсти. Наставники академии устраивают негласные пари, споря, чьи подопечные окажутся сильнее и какое оружие одержит верх — благородный меч, грозная сабля или какая-нибудь экзотическая диковина.

Подковёрные игры учителей — ладно, но в прошлом году во всех трех сезонах победили адепты меча, из-за чего в академии начался настоящий бум мечничества. Поговаривают, что союз мечников, именуемый Альянсом Небесной Долины, даже объявил о щедрой награде для любого соратника, который сумеет повторить этот триумф и забрать заветную ветвь.

Глаза Чэнь Ибая загорелись от предвкушения:

— Один из старших братьев рассказывал мне, что победителю «Весеннего сезона» полагаются три флакона Пилюль Созидания, превосходный клинок работы самого господина Даюаня и целая гора духовных камней! А если ты вольный заклинатель, перед тобой распахнутся двери великих орденов.

Впрочем, Чэнь Ибай трезво оценивал свои силы и понимал, что подобные сокровища ему не светят. Куда ему соревноваться, когда под боком живут такие таланты, как Сэ Чанмин и Жуань Люся.

— Адепты сабли пока держат язык за зубами, — продолжил парень. — Но награда у них явно не уступит мечникам. Брат Сэ, ты ведь превосходно владеешь саблей, неужели не хочешь попытать счастья?

Сэ Чанмин даже головы не поднял от свитков:

— Нет.

Жуань Люся презрительно фыркнула:

— Скатертью дорога. Всё равно победа в «Весеннем сезоне» достанется мне.

С этими словами она гордо развернулась и ушла.

Зная твердый нрав своего товарища, Чэнь Ибай не стал его уговаривать.

Подготовив за несколько дней подробные разборы сложных тем, Сэ Чанмин договорился с Шэн Лююем о первом занятии.

Место выбирали долго. Во Дворе Ясной Луны вечно толкся народ, да и шумный Чэнь Ибай мог вломиться без стука в любой момент. Во Двор Разреженного Ветра не желал возвращаться сам Шэн Лююй. В итоге они сошлись на тихой бамбуковой обители на Белом пике. За аренду уединенного домика требовалось платить по одному духовному камню в день, и молодой господин Шэн наотрез отказался уступать это право Чанмину.

Сэ Чанмин невольно задумался.

Похоже, тот глупый случай с платой за «услуги» вбил в голову наивного птенца простую мысль: за всё в этом мире нужно платить звонкой монетой. К добру это было или к худу — бог весть.

В назначенный час Сэ Чанмин пришел к бамбуковому домику. Вокруг царило безмолвие, лишь шелестела листва да уныло подвывал ветер.

Почувствовав на себе чужой взгляд, он поднял голову. На ветке дерева сидел человек. Точнее, птица.

Шэн Лююй в ярко-зеленых одеждах примостился на ветке старой акации. Густая листва скрывала его лицо, оставляя видимым лишь тонкий профиль и острый подбородок. Его руки превратились в крылья, которые он аккуратно прижал к бокам. Оперение юноши полностью восстановилось: пушистые перышки мягко колыхались на ветру, сливаясь с зеленью кроны.

В отличие от людей, он сидел на ветке невесомо, как и подобает рожденному летать.

«Птицам суждено гнездиться на ветвях» — подумал Сэ Чанмин.

А вот Сэ Сяоци рос совсем другим: деревьям он всегда предпочитал плечо хозяина, словно именно его считал своим единственным надежным пристанищем.

Заметив гостя, Шэн Лююй бесшумно соскользнул вниз. Его зеленые одеяния взметнулись изумрудным облаком. Стоило его носкам коснуться земли, как крылья вновь обернулись изящными руками. Лишь одно изумрудное перышко отделилось от его плеча и плавно улетело по ветру.

Сэ Чанмин нахмурился. Ему хотелось предостеречь юношу от подобных превращений — по крайней мере, на виду у всех.

Попадись он в таком виде Сэ Сяоци в прошлой жизни, тот бы непременно позарился на роскошные перья. И тогда Чанмину, невзирая на весь священный статус божественной птицы, пришлось бы лично ощипать этого гордеца на забаву своему питомцу.

Из чистого желания наставить неразумного птенца на путь истинный, Сэ Чанмин не удержался от замечания:

— Не делай так больше. Не ровен час — оциплют.

Шэн Лююй как раз доставал мешочек с духовными камнями и расслышал только конец фразы. Он недоуменно вскинул брови.

«?»

Кто посмеет лишить его перьев?

<http://bllate.org/book/18249/1750609>